

С. ШТРАЙХ

РУССКИЙ
КАЗАНОВА

С. Я. ШТРАЙХ

РУССКИЙ КАЗАНОВА

(Роман Медокс среди декабристов)

Журнально-газетное объединение
Москва—1932

Из библиотеки ЧЕРНОЙ КУРИЦЫ

*Магазин русской книги "Малер"
Иерусалим, п.я. 6608*

Для моего счастья нужен блеск красок и металлов... Природа дала мне чувства пылкие (Медокс о себе).

Он сам забывает, что лжет, и уже сам почти верит тому, что говорит (Гоголь о Хлестакове).

1. РУССКИЙ КАЗАНОВА

Сначала о том, что роднило моего героя с гениальнейшим авантюристом всех времен—Казановой.

Как и этот крупный международный шарлатан, мой герой был наделен от природы весьма щедро, и подобно Казанове он мог обращать свои дарования только на авантюры.

Подобно своему духовному предку, мой герой также происходил из театральной семьи, унаследовав от отца способность к перевоплощениям—моральным и физическим. Подобно Казанове, он в совершенстве знал главные европейские языки, был хорошо начитан, умел разбираться в серьезных научных вопросах. Как этот прославленный обольститель, он был привлекателен для женщин, причем в отношении к ним у него преобладало начало эротическое, отличавшее также отношения Казановы к женщинам.

Но главной страстью моего героя—что особенно роднит его с Казановой—была безудержная страсть игрока, у которого всегда про запас имеется колода крапленых карт. И, подобно Казанове, он стал авантюристом не из нужды, а по врожденному темпера-

менту. Всю жизнь не умел он, при всех своих блестящих данных, заняться чем-нибудь положительным, чем-нибудь серьезным, ибо, как говорил о себе сам Казанова, разумный образ жизни противен натуре авантюриста.

Как и для Казановы, для моего героя являлось отправлением организма—шарлатанить, ослеплять, одурачивать и водить за нос.

По условиям времени и обстановки мой герой разменялся на мелочи, но размах и замыслы были у него большие, дающие ему право на включение в галерею крупных авантюристов. И если бесконечно далеко моему герою до бессмертия Казановы, то, может быть, только потому, что волею судеб ему приходилось действовать в XIX веке, который не был так благоприятен для авантюры, как XVIII век, когда жил Казанова.

Теперь о содержании моей книжки. Хотя вся изложенная здесь история очень ярка и красочна, хотя она полна захватывающей интриги и драматизма,— мне не пришлось прибегать к фантазии ни в один из моментов своей работы. Достаточно было выбрать из многочисленных, случайно попавших в мое распоряжение документов наиболее сочные эпизоды, систематизировать весь материал и извлечь из него самые интригующие отрывки, чтобы получилась книжка, которая читается, как злободневный кинематографический роман.

Перед читателем вырисовывается картина нравов той среды, которая на развалинах тайных обществ пра-

вила Россией в первое десятилетие царствования Николая Павловича; выясняется обстановка, которую создала эта среда для побежденных ею заговорщиков, хотевших освободить народ от рабства политического и социального; проходит цветистая фигура самозванца, задумавшего на фоне николаевской эпохи вывести грандиозную провокацию.

Любопытно, что писатель-декабрист Н. А. Бестужев (брат Марлинского) собирался вывести моего героя в одном из своих беллетристических произведений. Значит, уже в 40-х годах прошлого столетия личность его занимала воображение романиста.

Кроме своего историко-литературного и бытового значения в качестве документа для характеристики эпохи хлестаковщины, использованные здесь материалы, с одной стороны, определяют провокационный характер авантюры моего героя среди декабристов, с другой стороны, вскрывают готовность правительства Николая первого поддержать авантюриста в целях окончательного ущемления побежденных заговорщиков.

2. ОТЕЦ АВАНТЮРИСТА

«Через сие объявляется, что славной Аглинской Эквилибрист Меккол Медокс 15 числа сего октября месяца на театре, что при деревянном зимнем доме, искусство свое показывать будет, к чему всех охотников почтеннейше приглашает». Это объявление было напечатано в № 81 «Санкт-Петербургских ведомостей» от 9 октября 1767 года.

Через 120 лет внук Медокса, старавшийся доказать древнее и «благородное» происхождение своего рода, писал: «Фамилия Медокс, вероятно, происходит от древне-финикийских племен, живших в нынешнем Закавказьи... Михаил Георгиевич Медокс родился в Англии 14 мая 1747 г. Будучи профессором математики Оксфордского университета, в 1766 г. прибыл в Россию и через посредство английского посланника милорда Макартнея был представлен графу Н. И. Панину и определен преподавателем физики и математики к наследнику великому князю Павлу Петровичу, по окончании образования которого, около 1775 г., сделался учредителем и владельцем московских театров».

Конечно, внук финикийского эквилибриста врал: дед его не мог в 19 лет быть профессором знаменитого английского университета; не могла также Екатерина Вторая пригласить его преподавателем к наследнику престола вместо отказавшегося от ее предложения великого французского математика Даламбера.

Правдоподобнее предположение о том, что Михаил Медокс успешно продолжал в течение ряда лет в Петербурге, а затем и в Москве деятельность славного эквилибриста.

Во всяком случае в № 15 «Московских ведомостей» от 19 февраля 1776 г. появилось такое объявление: «Показывающий московской благоприятельствующей публике до сего времени любопытства достойные механические и физические представления англичанин г. Маддокс; во-первых, за долг почтя принести

свою всенижайшую благодарность всем, удостоившим его своим смирением представляемых им забав, и с надлежащим почтением имеет донести, что оные по окончании сего месяца более показываемы не будут; а дабы не лишить удовольствия желающих в последний раз видеть, через сие с надлежащим почтением просит и приглашает».

Это не исключает, конечно, возможности того, что Медокса, то Грибоедовская Москва в лице ее стародемонстрирования ему некоторых физических приборов и опытов.

Что касается «древне-финикийского» происхождения Медокса, то Грибоедовская Москва в лице ее старожил-мемуаристов называла его «английским жидом». А спустя много лет после прекращения антрепризы Медокса-отца, глава жандармского ведомства в разсланном по всей России циркуляре о поимке скрывшегося Романа Медокса называет последнего «сыном бывшего содержателя московского театра, английского жида».

Наш герой, когда ему приходилось касаться вопроса о своем национальном происхождении, возмущался отзывами москвичей и шефа жандармов. Первые, по его словам, клеветали на московского антрепренера, «ибо достоинства всегда возбуждают зависть». Бенкендорф распространял лживые слухи о еврейском происхождении Медоксов вследствие боязни держать англичанина в крепости.

Конечно, и это разъяснение не внесло никакой определенности в вопрос о происхождении финикийского

эквилибриста, но совсем непровергнутыми остались вполне определенные отзывы современников об его сыновьях. Их было трое. Об одном—адъютанте генерала Вельяминова—знаменитый Ермолов писал, что это «величайшая дрянь», о другом отзывы не дошли до нас, о третьем их очень много. Это наш герой.

3. РОМАН МЕДОКС НА КАВКАЗЕ

Первое выступление Романа Медокса на общественном поприще относится к 1812 г.—к моменту наивысшего напряжения сил русского народа в борьбе с нашествием Наполеона. Невозможно установить с точностью, сколько лет было Медоксу в то время: сам он несколько раз заявлял, что родился в 1795 г., племянник его утверждал, что дядя родился 18 июля 1789 года, но правдоподобнее всех других дата жандармов, считавших, что Роман Медокс родился в 1793 году.

Получив хорошее и разностороннее образование в доме своего отца, Медокс вступил в военную службу, где при своих недюжинных способностях мог сделать хорошую карьеру. Но, унаследовав отцовский размах и стремление ко всему внешнему и блестящему, его склонность к чудесным превращениям и переодеваниям, Роман Медокс всю свою предприимчивость умел обращать только на авантюры уголовного характера.

Сущность кавказской авантюры нашего героя выясняется из его собственного рассказа:

— В те дни, как Россия, зрев пламенем объятую Москву, мечтала снова пасть рабою пред другим Батыем,—пишет Медокс,—я, 17-ти лет от роду, в пылу юности, рвался на ее защиту, быв корнетом по кавалерии при атамане донских казаков, графе Платове. Не излишне сказать, что я, сын доброго англичанина, от детства питался ненавистью к Бонапарту, а от чтения, при романическом воображении, дышал духом плутарховых героев.

Деяния 46 героев древности, описанные великим греческим историком, породили в потомке финикийцев «какое-то презрение к смерти». «Объятый хаосом» возвышенных мыслей, он решил «подражать Пожарскому, Палицыну и Минину и без малейшей мысли самосохранения вздумал составить конное и пешее ополчение».

Вспомнив, что всемогущему Потемкину не удалась при Екатерине подобная затея «потому, что все делалось через десятки руки», Роман Медокс взялся за дело самолично. С эпическим спокойствием уверенного в правоте своих поступков крупного мошенника он рассказывает:

— Я написал себе инструкцию, будто бы данную мне по высочайшему повелению правившим должностью военного министра князем Горчаковым, с предоставлением власти действовать по совету командующего на Кавказской линии, не спрашивая разрешения по дальности расстояния.

По дороге на Кавказ наш герой получил в нескольких губернерских казначействах крупные суммы на рас-

ходы, показав местным властям фальшивые предписания от министерства финансов.

Представители царской власти на Кавказе встретили самозванца с почетом. Гурьбой ходили они в свите этого предшественника Хлестакова, раболепно прислуживаясь любимцу тогдашнего временщика, министра полиции Балашева, авторитетом которого воздействовал на них Роман Медокс, назвавшись адъютантом Балашева—поручиком Соковинным.

Такая обстановка влияла на горских властителей, которые также льнули к самозванцу.

— Вслед за ними,—рассказывает Медокс,—горцы съезжались ко мне толпами, явили возможность составить целое кавказско-горское ополчение, что я и предпринял немедленно. Для созещения я пригласил к командующему на Кавказской линии, генерал-лейтенанту Портнягину, тамошнего гражданского губернатора Брискорна и губернского прокурора Озерского: они все трое подписали «Запись совета о составлении кавказско-горского ополчения». Здесь, за краткостью, нельзя, да и не нужно распространяться о всех средствах достижения сей цели.

Задумано было все хорошо—по плану нижегородского мясника Минина, который в 1612 году спас отечество.

— Имея ум и деньги,—говорит наш герой,—можно успеть во многом. Он (Минин) некоторых склонил, других принудил уполномочить его подпискою в распоряжении их имуществом и даже в праве, при крайности отечества, продавать их самих с детьми в раб-

ство. Потом его старанием составилось ополчение, которое он вручил своему прежнему военачальнику, князю Пожарскому, и которое на пути в Ярославль, а оттоле к Москве, спешно умножившись, стало многочисленную ратию и спасло Россию, бывшую на краю падения.

Но Медокс понимал, что «годное в одном случае негодно в другом» и что если бы он «хотел сделать точно то, что Минин, то было бы смешно».

— Если бы знаменитый Минин, воскресши во время нашествия французов, снова одушевил завалить площадь пожертвованиями, то, разумеется, градоначальство приставило бы к оным свою стражу. Что же сделал бы он без денег? А если бы сей герой российской дееписи взял что-нибудь в свое распоряжение, то, увы! не степень думного дворянства, не бессмертие и не памятник, десницею Александра сооруженный, а позорная казнь торговая была бы мздовоздаянием любви его к отечеству.

Вот почему Медокс поехал на Кавказ по фальшивому паспорту и с ложным предписанием.

Все шло успешно: из кавказского казначейства выдали Медоксу 10.000 рублей, налаживалось второе крупное получение, уже выяснилось, что наберется ополчение в 15—20 тысяч человек. Отечество было бы спасено.

— Всем известно, сколь чудесно храбры обитатели подошв хребта Кавказского и сколь в войне полезны их легкие стаи всадников; но не бывший в том краю не может вообразить того зрелища, какое представляли

мною собранные витязи в их блестящих кольчугах и полном азиатском вооружении.

Успеху авантюры способствовало и то, что Медокс ловко перехватывал допесения кавказских властей, сообщавших министрам о своем усердии в помощи патриотическому делу Соковнина.

Вдруг сорвалось. Из Петербурга пришел приказ арестовать самозванца.

— Я был задержан до окончания переговоров,— меланхолически заключает Медокс и утешается мыслью о награде в потомстве:

— Надобно вспомнить, как деревенская девушка, Жанна д'Арк, назвавшись посланной от бога, предводительствовала в битвах и освободила Орлеан от осады и как, в награду, ее сожгли живую, а потому чтили наравне со святыми.

При Александре I не сжигали живьем. Царь велел (в 1813 г.) посадить Медокса в Петропавловскую крепость «для воздержания от подобных поступков». Вскоре нашего Мишина-Пожарского, помноженного на Жанну д'Арк, перевели в Шлиссельбургскую крепость в качестве вечного узника.

4. МЕДОКС СРЕДИ ЗАГОВОРЩИКОВ

Из Шлиссельбургской крепости наш герой посылал царю слезные мольбы о прощении, просил дать ему возможность послужить отечеству; бесполезно. Александр Павлович не смягчил его участи.

Печальна была жизнь Медокса до воцарения Николая первого: ни пользы отечеству, ни просвета в его собственной судьбе.

Наконец, небо сжалилось над Медоксом. В середине 1826 года он познакомился в Шлиссельбургской крепости с некоторыми декабристами, содержащимися там после осуждения до отсылки в Сибирь. Вот как он сам писал об этом впоследствии шефу жандармов для доклада императору:

— Под конец моего 14-летнего заключения в Шлиссельбургской крепости, вдруг, июля 1826 года, привезли в оную многих новых арестантов, из коих Юшневский, Пестов, Пущин, Дивов, Николай и Михайло Бестужевы находились со мною в одном отделении. Двое первых были моими ближайшими соседями: Пестов с левой стороны, а Юшневский с правой. Сей последний особенно подружился со мною, выучил меня их азбуке—говорить сквозь стену, посредством стука. Влага неподвижную жизнь на постели, мы день и ночь занимались стеною и, по тогдашнему выражению, взаимно друг для друга составляли целый мир. Их всех содержали гораздо строже нас, давних затворников, и потому я мог оказывать ему (Юшневскому) кое-какие услуги; например, еще не выучившись жить 50 копейками в день, он пил шалфей, а у меня был чай, которым я делился с ним; ему не позволяли курить табак, а я мог доставать оный и также посылать ему.

Новых сидельцев в Шлиссельбургской крепости было очень много, пришлось пересмотреть списки старых.

Решено было и нашего героя перевести с Ладожского озера на берега Невы.

Опять Медокс очутился в Петропавловской крепости, где познакомился с другой группой заключенных декабристов. Здесь он завязал сношения с Фонвизинным и Нарышкиным. Узнав многое из личной жизни декабристов, об их взаимоотношениях до катастрофы 14 декабря 1825 года, Медокс подал в феврале 1827 года на имя царя новую просьбу о помиловании. Вместе с тем он обратился к начальнику жандармского ведомства Бенкендорфу с просьбой ходатайствовать за него перед царем, как за раскаявшегося, а не как «за того негодяя, каким он был в 1812 году». При этом просил назначить его на службу.

Кающемуся авантюристу было предложено выбрать местожительство в Архангельске, Петрозаводске или Вятке. Медокс выбрал Вятку, и царь в марте 1827 года велел послать его туда под надзор полиции, чтобы он мог доказать свое раскаяние.

Через Вятку пролегал тогда путь в Сибирь, и Медоксу часто приходилось встречаться с остановившимися там для отдыха декабристами, которых отвозили на каторгу. Некоторые декабристы, из числа менее важных заговорщиков, как например, И. Н. Горсткин, проживали даже в Вятке подолгу.

Конечно, и теперь Медокс жадно собирал всякие сведения из личной жизни декабристов, интересовался их предположениями об устройстве своей жизни в Сибири. В одном из доносов на декабристов расска-

зал он генералу Бенкендорфу о своей вятской деятельности среди осужденных заговорщиков:

— Однажды для лучшего осведомления, пошед сам, я без намерения, неожиданно познакомился с Швейковским, Штейнгелем и Барятинским, кои слышали о моем прибытии в С.-Петербургскую крепость от своих товарищей и самого плац-майора Подушкина, давно пострадавшего за подобные слабости.

Отправка осужденных заговорщиков в Сибирь закончилась. Скучно стало впечатлительному Медоксу в Вятке. В декабре 1827 года он скрылся отсюда, написав себе паспорт на чужое имя. Царю было доложено о бегстве самозванца, только недавно выпущенного из крепости, и Николай, через начальника главного штаба, поручил Бенкендорфу поймать Медокса.

Шеф жандармов разослал всем губернаторам циркуляр с приметами беглеца и просил задержать его. Губернаторы отдали соответственные распоряжения подчиненным им уездным властям, но поиски бежавшего были тщетны.

Медокс меж тем побывал в Москве, выклянчил у родных денег и стал пробираться на Кавказ, с которым у него были связаны такие приятные воспоминания. В марте 1828 года он был задержан в Екатеринодаре и отослан в распоряжение шефа жандармов в Петербург. Император велел отправить Медокса солдатом в один из сибирских багальонов и содержать его там под строжайшим надзором.

5. ПОСЛЕ РАЗГРОМА ДЕКАБРИСТОВ

С пути Медокс снова бежал и писал сестре, что по своему прошению «высочайше определен» рядовым в Омск:

— Дух мой воспрянул и я на краю пропасти нашел случай писать к государю, который по первой почте отвечал...

Тогда же Медокс послал письмо В. А. Перовскому, который был близок к членам тайных обществ, но в заговоре замешан не был. Он был в числе приближенных к новому царю, и Медокс просил Перовского ходатайствовать за него, так как он «жаждет делать добро».

Затем Медокс направился в Одессу, где жил по чужому паспорту, как сам заявляет, «почти целый год». В Одессе он вертелся среди многочисленных родственников и друзей, сосланных декабристов, пополняя свои шлиссельбургские и вятские сведения о заговорщиках. Имел он тогда, неизвестно откуда, «достаточные» средства.

Видя, что Медокс каким-то образом ускользает от Бенкендорфа, Николай передал дело о поимке самозванца главноначальствующему в Петербург, графу Петру Толстому. Но Медокс со своей внешностью иностранца и со своим знанием нескольких европейских языков был неуловим в интернациональной Одессе. Словно издеваясь над разыскивавшими его властями, Медокс вторично писал (12 июля 1828 года из Одессы) Николаю—по-английски—и просил о помиловании.

Здесь-то и начинается загадочное в отношениях нашего героя к жандармскому ведомству. Особенно загадочны обстоятельства, при которых Медокс вместо Омска очутился в Иркутске.

Страшно напуганный восстанием 14 декабря 1825 года, сильно трусивший во время следствия по делу о заговоре декабристов, Николай первый боялся даже мысли о новом тайном обществе.

Вокруг нового императора создалась атмосфера постоянной подозрительности и мнительности. Воспоминание о 14 декабря постоянно тревожило его и вызывало в нем мстительные чувства по отношению даже к самым отдаленным участникам заговора.

Такое настроение императора поддерживали почти все окружавшие его: одни из трусости и по соображениям служебной карьеры, другие из опасения потерять материальные блага при ином государственном строе, третьи—из жадности: вследствие поражения декабристов в политических и имущественных правах многие представители правящих кругов получили или домогались получить открывшиеся наследства.

Все это уяснилось Медоксу из его сношений с декабристами.

6. ВОСКРЕСШИЕ ЗАГОВОРЩИКИ

Прошло несколько лет со времени казни на верках Петропавловской крепости: кружки молодых людей, сочувствовавших декабристам, были беспощадно разда-

влены, сами заговорщики 1825 года, казалось, были совсем вычеркнуты из жизни, а их крамольные замыслы окончательно рассеяны. И вдруг, в начале тридцатых годов, императору докладывают о раскрытии нового заговора среди государственных преступников—декабристов, находящихся на каторге в Сибири. В докладе сообщается, что декабристы поддерживают самые живые сношения со своими единомышленниками в обеих столицах, встречаются сочувствие в правительственных и придворных кругах и пользуются прямым содействием сибирского чиновничества и купечества.

Нити заговора сходились к дому иркутского городничего Муравьева.

Муравьевых было много. Одни вешали крамольников и делали хорошую карьеру. Другие исповедывали крамольные идеи, за что подвергались разным карам, вплоть до повешения. Третьи делали большие успехи по службе, несмотря на свое сочувствие крамольным идеям. Во всяком случае, большинство Муравьевых были выдающимися людьми.

Судьба иркутского городничего, Александра Николаевича Муравьева, была отлична от судьбы многих его сородичей. Сначала он рьяно исповедывал крамольные идеи и вместе с тем делал блестящую военную карьеру, затем он подвергся жестокому наказанию и, несмотря на это, продолжал пользоваться успехом по службе.

Это была личность замечательная. Вместе с Павлом Ивановичем Пестелем он был учредителем первого тайного общества, в котором развилась идея полити-

ческого преобразования России,—Союза спасения. Давнишний масон, он прикрывал масонством собрания Тайного общества, был одним из деятельнейших руководителей последнего, участвовал в его совещаниях, устраивал их у себя на дому—между прочим, у него обсуждался вопрос о царубийстве,—привлекал в общество новых членов.

Но масонский мистицизм разрастался и вытеснил из головы Муравьева революционные замыслы: задолго до раскрытия заговора он вышел из состава Тайного общества, отрекся от крамольных идей. К декабрю 1825 года он был неслужащим отставным полковником.

Привлеченный к следствию, Муравьев представлял императору записки, в которых очень резко осуждал заговорщиков и их революционные замыслы, высказывал в сильных выражениях раскаяние в былом своем заблуждении. Отнесенный к шестому разряду злоумышленников, он подлежал отправлению в каторгу на пять лет и затем поселению в Сибири до смерти. Но царь велел «сослать его на житье в Сибирь без лишения чинов и дворянства». Не успел Муравьев доехать до Якутска, как получил новое облегчение: ему позволили жить в более мягком по климату Верхнеудинске.

Здесь он пробыл до весны 1828 года, когда переведен был в Иркутск на должность городничего. За льготами следовали облегчения, подавались надежды на дальнейшее улучшение служебного положения, но продолжался надзор за самим раскаявшимся заговорщиком и, в особенности, за его перепиской.

Надзор за домом иркутского городничего был разнообразный и усиленный. Кроме вскрытия писем, в которых, конечно, особенной откровенности их автор не допускал,—правительство следило за образом мыслей Муравьева и за его сношениями через специальных агентов, посылавшихся под разными предлогами в Сибирь. Они проникали к Муравьеву, как его почитатели, как передатчики известий от родных из России.

Среди них был действительный статский советник Шиллинг-фон-Канштадт, изобретатель электромагнитного телеграфа, насадитель литографского искусства, сотрудник и корреспондент Академии наук. Все это он совмещал—совсем не ради денег, а из чисто классовых интересов—с добровольной, осведомительной службой Третьему отделению.

Таких добровольцев из среды помещного дворянства было много после раскрытия заговора декабристов, но деятельность их не удовлетворяла правящие круги.

Правительство нуждалось тогда в людях со специальными дарованиями наблюдателей. Все применявшиеся системы надзора казались несостоятельными: надо было придумать новые способы уловления и пресечения, нужны были особые люди. Все виды надзора не достигали цели, все явные и тайные агенты не соответствовали требованиям дела: нужны были люди, которые совершенно не внушали бы подозрения ссыльным крамольникам, которые могли бы втереться в их среду не только как сочувствующие, но и как деятельные единомышленники.

Нужны были люди, которых не останавливали бы никакие веления чести и совести, у которых совершенно было бы вытравлено чувство порядочности. В то же время эти люди должны были уметь говорить о чести, о совести, о порядочности, как о своих особых, отличительных качествах.

Эти люди должны были уметь втереться в доверие подозреваемых, чтобы вызвать их на откровенность, эти люди должны были уметь высказываться в духе идей и замыслов подозреваемых, чтобы направить их деятельность в соответственном смысле и дать возможность властям уловить крамолу.

Была потребность в агентах-provокаторах. Агенты-provокаторы явились.

7. МЕДОКС НАШЕЛ ДЕЛО

Медокс давно искал случая послужить отечеству. Если ему не удалось, подобно Минину, собрать народные деньги, если он не мог, подобно Орлеанской Деве, предводительствовать в битвах, если, подобно Талейрану, он не мог подвизаться на дипломатическом поприще, то всей своей предшествовавшей жизнью, всем опытом и направлением ума он был хорошо подготовлен к роли наблюдателя за людьми подозрительного образа мыслей.

Он долго сидел в крепостях, бывал в ссылке, много раз скрывался от правительства, имел знакомства в кругу декабристов и умел вызвать у них сочувствие к себе. К тому же Медокс так жаждал получить прощение правительства, так пылко стремился заслужить

все свои грехи и, наверстав потерянные два десятилетия, сразу сделать хорошую карьеру.

Достаточно было умному пройдохе сообразить, что суровый император боится даже тепи побежденных им заговорщиков, что грозный самодержец трепещет при намеке на существование Тайного общества, и в голове этого искушенного поддельвателя документов зародилась идея смелой авантюры, планомерно и дерзко развивавшейся в 1830—1834 годах.

Медокс появился в Иркутске в октябре 1829 года и сразу, как он говорит в своем большом доносе на декабристов, «сблизился с семейством А. Н. Муравьева». Конечно, «близость» эта была своеобразной. Ее добивался Медокс и от нее отбивались все взрослые члены семьи Муравьева.

Всеми способами Медокс старался втереться в доверие иркутского городничего, но это ему не удалось и не удалось никогда.

Впрочем, авантюрист и сам не обманывался насчет истинных чувств Муравьева к нему. В Дневнике Медокса—много досадных замечаний по поводу отношения к нему опального городничего.

Из Иркутска Медокс писал царю, напоминал ему, что «взятый в Одессе два года томится солдатом в Иркутске», просил милостивого снисхождения к его недостаткам. Тогда же обращался к главному начальнику III отделения, шефу жандармов Бенкендорфу, просил ходатайства перед царем, обещал постараться «быть достойным столь высокого покровительства, сделать примерною» всю остальную жизнь свою.

Меж тем доступ к А. Н. Муравьеву становился для Медокса более и более затруднительным, посещения дома иркутского городничего сопряжены были для него с оскорблениями. Все труднее и труднее становилось заслужить покровительство Бенкендорфа и милость царя.

Но, если при явном пренебрежении хозяина дома неудобно было ходить в гости к нему, то можно было прибегнуть к другому приему, который позволял человеку с самым чувствительным самолюбием терпеть обиды и поношения.

Медокс влюбился в свояченицу А. Н. Муравьева, княжну Варвару Михайловну Шаховскую, проживавшую в доме иркутского городничего.

Варвара Михайловна Шаховская по справедливости должна быть причислена к тем русским женщинам, которых воспели Некрасов и Одоевский за их подвиг самоотверженной любви к мужьям. Как жены и невесты декабристов, княжна Шаховская поехала в Сибирь за своим женихом, сосланным в каторгу участником заговора П. А. Мухановым.

Но участь ее была горше участи других женщин, последовавших за осужденными заговорщиками: княжне Шаховской не удалось соединиться с любимым человеком. Кроме того, ей пришлось еще терпеть и переносить ухаживания субъекта, который не мог быть ей симпатичен вообще, а в виду его роли в доме Муравьева был ей особенно неприятен.

Пришлось терпеть, ибо Медокс, конечно, из своих провокаторских видов помогал ей сноситься с Петров-

ской каторжной тюрьмой, где были заключены декабристы, и в их числе Муханов.

Злобный и мстительный Николай Павлович не разрешал Шаховской выйти замуж за Муханова вопреки ходатайствам их влиятельных родственников. Печальное положение княжны Варвары решил использовать Роман Медокс для своей авантюрной затеи.

Медокс, которому в это время было по самому скромному подсчету тридцать пять лет от роду, которого отец выгнал из дому еще в юношеские годы за развратное поведение, который служил в полиции и даже оттуда был изгнан за безнравственность, который крал и мошенничал с восемнадцатилетнего возраста, который менял паспорта почти ежемесячно, пока был на воле, который изъездил всю Россию и всюду умудрялся обманывать всех, кому приходилось с ним сталкиваться,—Медокс влюбился, как может влюбиться наивный 17-летний юноша, только что вышедший в жизнь из закрытого учебного заведения.

Медокс влюбился и так полна была его душа нежных и пылких чувств, а застенчивость и необыкновенная скромность мешали ему излить эти чувства объекту своей любви, что он, подобно наивному сентиментальному юноше, завел Дневник, тетрадки которого благоговейно носил с собою. Влюбленный Медокс сильно страдал от своей робости и, сидя один в гостиной Муравьевых, перечитывал листки, которым доверял признания своей души.

Часто, умиленный и растроганный, Медокс забывал эти листки, когда уходил домой, прощаясь с пред-

метом своей любви. И, находя эти листки на другой день на том же диване, где накануне забывал их, с трепетом смотрел в глаза своей возлюбленной, чтобы прочитать в них, не оскорбил ли он своего божка.

Что касается истинных чувств Медокса к Варваре Шаховской, ради которой, главным образом, писался Дневник, то кроме отрицательного отзыва его о своем «божке» в одном из доносов на декабристов, все записи Дневника изобличают неискренность постоянных утверждений авантюриста о любви к ней. Фальшивый тон этих утверждений, конечно, никого не обманывавший и в свое время, бросается в глаза в целом ряде записей.

Интересны записи Медокса об его влюбленности для характеристики автора еще в одном отношении. Ярким рядом сальных пятен вырисовывается в них половая нечистоплотность его, достойная трактирного лакея тридцатых годов XIX столетия. Говоря о Вареньке и о своей любви к ней, Медокс все время пишет об ее ножках, которые он мысленно целует, о подвязках, которые он хотел бы завязывать ей повыше колен, о счастье сидеть на стуле, с которого только что встала Варвара Михайловна и который хранит еще теплоту ее тела, о хорошей форме тучных плеч ее, о том, как он постарался бы заменить Вареньке могучего П. А. Муханова.

Конечно, в доме Муравьева хорошо понимали самого Медокса и умели ценить его чувства. Но выгнать его нельзя было. Так трудно далось А. Н. Муравьеву его помилование, так тонка была нить, на которой висело

его материальное благополучие, так сильно зависел он от Третьего отделения, что ему нельзя было не принимать человека, специально приставленного для наблюдения за его образом мыслей.

Выгнать Медокса—значит расписаться в неблагонамеренности, значит—стараться укрыть свои помыслы от попечительного начальства, к которому так часто обращался Муравьев со своими красноречивыми покаянными письмами. Душа его должна была денно и нощно быть открытой перед всевидящим оком власти.

8. ВЛЮБЛЕННЫЙ МЕДОКС

В обширном Дневнике Медокса за 1830—1831 гг., носящем сентиментальное название «Златый век моей жизни», есть много записей об его мнимой влюбленности в княжну Варвару. Интересен этот Дневник также и тем, что дает много новых и любопытных штрихов к истории пребывания декабристов на каторге, к истории их заговора вообще и к биографии многих видных деятелей его в частности.

Есть в нем много материала для разъяснения многочисленных доносов Медокса, лежащих в основе его авантюры тридцатых годов. Здесь и подкуп слуг в доме Муравьева, и вскрытие переплетов книг, которые попадались на глаза Медоксу, когда он оставался один в комнате, и в которых он, якобы, находил письма декабристов, и заглядывание в сумочку В. М. Шаховской, которая иногда оставляла ее на диване, выходя на время из комнаты, и вынюхивание, и высматривание, и подслушивание.

Это содержание Дневника интересно, как свидетельство того, что уже в двадцатых годах XIX столетия к идейному движению примазывались предшественники Азефа.

Вот несколько выдержек, относящихся к княжне Варваре Шаховской.

— Думая, что она будет без чепчика, вперед восхищался зрелищем прекрасных черных волос, убранных со вкусом Рафаэля, весь кипел от мысли увидеть обожаемую в наряде. Ее образ истинно носился над мною меж тем, как я одевался и был в каком-то детском восхищении.

— Надо любить так, как я люблю и любить в первый раз. Ах! что я говорю? Любить! Нет, не любить, а боготворить; нет и не боготворить... Боже, здесь на земле, в пучине бед, нет даже и слов к изъяснению чувств, достойных рая.

— Что может сделать любовь из самой упорной, самой гордой души! О боже, избавь от унижения и дай дышать в стихии, мне свойственной.

— С той первой минуты (знакомства с Шаховской), вовсе не думая быть влюбленным, я перестал существовать для себя и понемногу совершенно во всем изменился.

Сбылось в ней мое мечтание,
Весь тайный мир души моей.

— За ужином, сидев подлее ее и наливая ей пить, я ощущал что-то неизъяснимо приятное; что-то такое, чему нет названия; это что-то как будто бы душу таит, тело нежит, дыхание то останавливает, то уско-

ряет; ах! Это что-то такое, что можно ощущать, а не описывать. Сии счастливые минуты напоминают мне Вольтеро:

О них на трапезе богов я стал бы сожалеть.

— Повидаться с Варенькой становится с каждым днем более и более нужным. Чем кончится это? Легко быть может, что моею гибелью. Я, под хладною наружностью, ужасный вулкан.

Этот ужасный вулкан готовил уже в то самое время доносы на декабристов. Через два года Медокс в тех же выражениях клялся в любви дочери московского чиновника Александре Сергеевне Смирновой, через три года—сестре декабриста Марии Федосеевне Раевской.

Пока о Шаховской...

— Обращаясь с ней, я всегда удивляюсь, что страсть, не будучи веществом, может завалить дыхательный канал. О! если ты, божок Варенька, будешь моей, то много, много будешь целуема!..

— Я не воображал свои чувства столь нежными. Какое изменение! В 1812 г. я был портрет сумасбродного Карла XII. Иллиада и Квинт Курций были моими любовницами. Мешают...

Мысли о недоступности княжны Варвары сменяются рассуждениями Медокса об его положении.

— Как ужасно мое состояние. Я, хотевший, так сказать, подобно гомерову Юпитеру, двумя шагами достигнуть края вселенной, очутился на одной из самых низших степеней человечества!.. Я плачу; и в моих глазах есть слезы.

Но слезы высыхают, как только встречается случай узнать что-нибудь о декабристах, влезть в чью-нибудь душу, подслушать чей-нибудь разговор, подсмотреть в чьем-нибудь ящике. Вот запись от 27 января 1831 года:

— Варенька породила во мне неизъяснимое любопытство, поручив достать от Дружинина (осужденного по делу о заговоре), как некую драгоценность, дрянный, никуда негодный ящичишко, оклеенный дабою и из Читы привезенный...

Мы подходим к основе Медоксовой авантюры— к истории с ящиком, пересылавшимся через Иркутск в Россию, с письмами декабристов. Письма эти были самого невинного содержания в политическом отношении. Пересылались они тайно только из желания сосланных декабристов сообщить родным о своей жизни в казематах Петровского завода подробности, которые не пропускались жандармским управлением, просматривавшим всю официальную переписку государственных преступников.

Вскрыв ящик, Медокс прочитал все содержимое его и на фоне фактических сообщений декабристов своим родным разрисовал узоры выдуманного им нового заговора.

Еще несколько записей о Шаховской:

— 11-го февраля. Я вообще склонен к толстым женщинам, а влюблен в нетолстую, мимо ее толстой сестры! Если бы Варенька знала мой прежний вкус к мягким бабам, то едва ли бы поверила моему невинному обращению с Юшневскою (жена декабриста).

Признаюсь, что злодейка, страстно целуясь, соблазнила бы, если бы тут не было горничной Лизы.

— 16-го февраля. С некоторого времени всякую ночь, в жару, в иступлении, осыпаю бессметьем поцелуев все ее (Шаховской) тело. Давно изречена клятва целовать у ней ноги, если они будут в моем распоряжении.

— 17-го февраля. В продолжение урока (с детьми А. Н. Муравьева) Варенька мало сидела с нами. По известию от Дружинина, я уведомил ее, что ящик цел и что он, уже зашитый в холст, скоро получится. Приметно изменившись в лице, засыпала вопросами: когда? сегодня ли? завтра ли? кто привезет? и т. п.

— Потом посыпались просьбы: прислать тотчас по получении, хоть в 9, хоть в 10 час. вечера,—прислать, не читая, а наконец—и не раскрывая. Я, варварски радуясь, отвечал двусмысленно; да и как не радоваться письмам, за прочтение коих готов откусить себе палец.

— Чтобы угостить крестьянина, привезшего ящик, я велел поставить самовар, попросил его меж тем отдохнуть в прихожей; а сам, легши на диван и поставив пред собой ящик, колебался прочесть письмо, чтоб узнать, жить ли мне, или умереть; но она просила не открывать,—возможно ли же открыть? Неужели Варинькины просьбы не священны для меня? Клянусь, священны и век пребудут священными.

Хотя Медокс и клянется в этом отрывке, несомненно, предназначавшемся для прочтения княжною Варварой, что он ящика не вскрывал, но в большом доносе на

декабристов он сообщает жандармам, что читал все письма, и к действительно прочитанному присочиняет подробности о новом заговоре.

— При самом вступлении в гостиную, бросилась мне в глаза книга церковной печати: раскрыв, увидел, что в переплете с внутри разодранном, были запрятаны письма, увидел и—ни мало не потревожился; отдал спрятать подальше, ибо слишком приметно. Я уверен, что Лиза привезла множество писем; но и это не тревожит.

Так пишет Медокс в Дневнике, который можно было дать читать Шаховской, а жандармам сообщал, что в этой книге церковной печати он нашел документы о новом заговоре.

Есть в Дневнике несколько записей, свидетельствующих о подозрительной осведомленности Медокса относительно предстоящих в судьбе А. Н. Муравьева перемен. Внесены в Дневник подробности беседы Медокса с декабристом Н. П. Репиным, приехавшим в Иркутск из Петровска. Содержание этой беседы также вошло в донос III отделению.

9. МЕДОКС. и III ОТДЕЛЕНИЕ

3 мая 1832 года начальник жандармского ведомства писал иркутскому генерал-губернатору, что «частным образом» до сведения его дошло, «что года полтора тому назад верхнеудинский купец Шевелев, находясь в Петровском заводе, был обласкан находящимися в оном государственными преступниками и, сблизясь с ними, получил от них ящик с тайными письмами;

ящик сей хранился потом некоторое время у сосланного в Иркутск и находящегося там рядовым Романа Медокса».

Кто же, кроме самого Медокса или бывшего с ним в деловом общении барона Шиллинга, мог «частным образом» в начале 1832 года сообщить Бенкендорфу о ящике с письмами декабристов сведения, которые имеются в личном дневнике Медокса за 1831 год? Кроме этого, еще целый ряд других фактов и соображений позволяют утверждать, что между жандармским управлением и бывшим самозванцем существовали, во всяком случае с 1829 года, таинственные сношения, которые тщательно скрывались до того момента, когда Медокс счел удобным открыто выступить в качестве разоблачителя нового заговора.

В сообщениях Бенкендорфу Медокс несколько раз заявляет, что деятельность его по надзору за домом А. Н. Муравьева в Иркутске находилась под покровительством местного генерал-губернатора А. С. Лавинского, который, однако, и сам не избег поклепов авантюриста. Медокс и его обвинял в потворстве декабристам, указывая на дружеские связи генерал-губернатора с некоторыми заговорщиками.

Все помыслы нашего героя были направлены на освобождение из Сибири. В своих сношениях с Бенкендорфом он подходит к этому исподволь, осторожно готовит шефа жандармов к убеждению, что его необходимо вызвать в Петербург.

В одном из писем Бенкендорфу Медокс заявляет:

— Охотно сделал бы я сей лист несомненным доказательством моего жарчайшего усердия к престолу, к благу общему, указал бы пути сношений с Петровским заводом, сношений, заключающих в себе не одни письма, а и книги переводов и сочинений; но, к сожалению, рассудок не дозволяет сделать того по многим причинам...

— Впрочем, можно принять за аксиому то, что по сему предмету всякое письменное изложение послужило бы лишь к бесполезному открытию семейственных переписок, а весьма важному непременно повредило бы; что в Иркутске никак невозможно постигнуть тайны, глубоко кроющиеся в Москве, ибо содействующие сношениям, без малейшего понятия о худых замыслах, делают все через десятые руки, одни по обманутому человеколюбию, другие из корыстолюбия; что разведывания в Иркутске служат лишь к умножению осторожности и затруднению важного открытия; что для сего открытия нужно предуготовление и вместо того, чтобы препятствовать сношению, содействовать оному через кого-нибудь из имеющих доверенность меж посредниками сих сношений, ибо сей раз, после бывшего опыта, не хотят льститься надеждою прощения за признание, и потому все открыть можно не иначе, как читая тайные сношения.

Кто же больше Медокса имеет «доверенность» среди заговорщиков? Кто же еще может одновременно разыгрывать роль влюбленного и в невесту декабриста (Муханова) и в жену декабриста (Юшневского)? Кто еще имеет возможность и умеет вскрывать переплеты

книг, пересылаемых декабристам? Ловкими приемами, запутыванием следов, постепенным открыванием маленьких уголков большой завесы лжи и хитросплетений, которыми он окутал свою авантюру, Медокс добивался своей основной цели.

10. ОТЕЧЕСТВО В ОПАСНОСТИ

Долбил Медокс раз, долбил два, своего добился. Собрались генералы, лучшие царские слуги, начальник главного штаба граф Чернышев, шеф жандармов граф Бенкендорф, и выработали для Николая Павловича доклад, хоть и короткий, но ясно показывающий, что правительство грозного императора сильно боялось забитых и загнанных декабристов. В числе прочих мер предполагали для обнаружения заговора:

— 4-е. Под предлогом командировки для осмотра войск в Сибири послать одного из отличнейших офицеров, на которого возложить обязанность по приезде в Иркутск стараться через рядового Медокса достигнуть полного обнаружения тайной переписки и иметь в то же время за всеми действиями Медокса неослабное наблюдение.

Пока выбирали офицера, Медокс сообщил правительству через Лавинского, что он принят заключенными в Петровской тюрьме декабристами в их новый заговор, и представил написанное им самим послание к нему декабриста А. П. Юшневского.

Третье отделение попало на удочку.

20 января 1833 года все присланные Медоксом доносы были представлены Николаю I при следующем

докладе ближайшего помощника Бенкендорфа по Третьему отделению, А. Н. Мордвинова:

— Сейчас полученное от генерал-губернатора Лавинского отношение по предмету существующего злоумышления между государственными преступниками в Петровском заводе находящимися, долгом поставляю представить при сем вашему императорскому величеству. Обнаружение замыслов и связей людей сих поручено, по воле вашего величества, адъютанту г. военного министра гвардии ротмистру Вохину, который в исходе декабря месяца и отправился в Сибирь.

Как ни были нелепы все представленные царю при докладе Мордвинова изветы Медокса, как ни бросалась в глаза необоснованность их,—царь поверил: вся эта история оправдывала постоянный страх Николая Павловича перед декабристами.

На докладе Мордвинова царь сделал следующую пометку карандашом, свидетельствующую об его волнении при известии о новом заговоре:

— Вот полное доказательство досель подозреваемого обстоятельства в Чите становится весьма важно, и нельзя терять времени. Завтра переговорим.

При отправлении Вохина в Иркутск Бенкендорф дал ему для Медокса письмо, вскрывающее тайную связь начальника жандармского ведомства с беглым мошенником. Царский министр писал:

— Одно лишь средство предстоит ныне Медоксу заслужить за преступление его монаршее прощение. Он может надеяться на таковое, буде вполне обнаружит и докажет справедливость извета своего. По сему

генерал-адъютант граф Бенкендорф сим объявляет Медоксу, чтобы он раскрыл Вохину все подробности производимой государственными преступниками тайной переписки и употребил бы все старания к доставлению ему самых подлинных писем государственных преступников.

— Граф Бенкендорф надеется, что Медокс по долгу присяги своей и раскаявшись в своем заблуждении, употребит в сем случае все свое усердие, повторив притѣм ему, что одно сие средство может избавить его от строгого, заслуженного им наказания и что, оказав услугу правительству, он может надеяться на монаршую милость.

Таким образом, Медоксу прямо предлагалась милость царя за обнаружение заговора, испытанному подделывателю документов заявляли, что его выдумка будет принята на веру, если он подведет под нее соответствующий фундамент, наконец, ему показывали, насколько правительство заинтересовано во всей его провокации.

Медокс стал дурачить Вохина. Поехал с ним в Петровское, там виделся с декабристами, беседовал с ними на самые невинные темы, заявил им о предстоящем вскоре возвращении своем в Россию, предлагал передать их письма родным.

Декабристы сразу раскусили Медокса. Можно полагать, что они были даже уведомлены иркутскими своими друзьями об его действительной роли. Во всяком случае, писем Медоксу не давали, в откровенные беседы не только о несуществовавшем заговоре,

но и вообще о своем положении, о своих мыслях и надеждах не входили.

Медоксу этого и не нужно было. Он подбирал крохи, мелкие записочки, подслушивал разговоры декабристов, представлял все это Вохину со своими украшениями. Рстмистр сначала относился к его рассказам скептически, но поверил Медоксу, когда последний представил ему диплом на звание члена нового тайного общества декабристов под названием «Союз великого дела». Диплом написан был самим Медоксом, но Вохину нельзя было проверять подлинность документа у декабристов.

Адъютант военного министра послал в Петербург доклад, приложив все переданные ему авантюристом бумаги и доносы, заявил о необходимости вызвать Медокса в Россию для дальнейшего расследования нового заговора. Все верили заведомому проходимцу, никто не догадался сличить приписываемые Медоксом отдельным декабристам документы с подлинным писаниями этих лиц.

Правительство решило вызвать Медокса из Сибири; в столице он нужен был для раскрытия заговора и для укрепления трона Николая Павловича.

Высокие сановники империи втянуты были в игру аванюриста. 26 августа 1833 года военный министр граф Чернышев послал генерал-губернатору Западной Сибири Вельяминову лживое письмо, сообщая, что государь, по ходатайству Лавинского, снисходя к прошению родственника рядового Романа Медокса в Омске, повелел уволить его от службы с настоящим

званием и отпустить на родину, снабдив его надлежащим видом.

Через неделю после Чернышева о Медоксе пишет Вельяминову шеф жандармов Бенкендорф, прося передать отставному солдату 600 рублей, якобы полученных в Третьем отделении от его родственников. Это были деньги на переезд Медокса в Москву и Петербург для спасения престол-отечества.

Наступило торжество Медокса. Пришла пора показать, на что способен духовный сын Минина-Пожарского и Жанны д'Арк. Сам царь заинтересовался им и следил за каждым его шагом.

В переписке военных властей (Вельяминов был также начальником войск Западной Сибири) соблюдается некоторая дипломатическая скромность по поводу истинной роли омского рядового в общей политике правительства. В переписке внутри жандармского ведомства это считалось излишним: свои люди, стесняться незначем.

Зная, что Медокс уже выехал из Сибири (паспорт ему выдан там 1 октября 1833 года) и что в соответствии с соглашением между ним и Третьим отделением он должен поехать сначала в Москву, Бенкендорф писал об этом 1 ноября 1833 года начальнику московского жандармского округа генералу С. С. Левосковскому. Введя своего подчиненного в затеянную Медоксом авантюру, шеф жандармов сообщал ему:

— Объяснив вашему превосходительству сие дело, я поручаю вам тотчас по прибытии Медокса в Москву самым секретным образом войти с ним в сно-

шения и, дав ему должное наставление, вручить ему прилагаемый купон для предъявления его кому следует и вступления в общество. Таким образом, буде означенный купон скажется не подложно Медоксом составленным, то сие обстоятельство послужит некоторым образом удостоверением в существовании общества и злых замыслов государственных Преступников и может вести к весьма важным открытиям.

Напоминая Лессвскому, что «одна лишь непроницаемая тайна сношений с Медоксом может вести к успеху», Бенкендорф предупреждает его также, что этот герой 1812 года известен за весьма изворотливого и плутоватого человека, и добавляет, что Медокс «в последнее время находился в Омской крепости».

Лесовский понял всю важность затеянного дела и писал Бенкендорфу, что «секретное предписание через нарочного» он получил, «принял оное с должным вниманием к исполнению и смеет уверить, что с особым верноподданическим стремлением и должною осторожностью будет уметь его исполнить».

11. ОПЯТЬ НА РОДИНЕ

Медокс прибыл в Москву 5 ноября. Остановился он в одной из лучших тогдашних гостиниц—«Лейпциг», на Кузнецком мосту, с важностью, соответствовавшей его новому положению в административной машине государства, потребовал к себе портного, которому приказал изготовить гардероб стоимостью в 600 руб. и отправился изумлять своим блеском родных.

Медокс жил в эмпиреях. Разъезжавший в это время

по России Иван Александрович Хлестаков не мог действовать в провинции более блестяще, чем действовал в Москве Роман Медокс.

Действовал он так, будто прочитал наставление Голя актерам, как играть главного героя комедии «Ревизор»:

— Он сам позабывает, что лжет, и уже сам почти верит тому, что говорит. Он развернулся, он в духе: видит, что все идет хорошо, его слушают,—и по тому одному он говорит плавнее, развязнее, говорит от души, говорит совершенно откровенно и, говоря ложь, высказывает именно в ней себя таким, как есть...

— Он лжет вовсе не холодно или фанфаронски-театрально: он лжет с чувством; в глазах его выражается наслаждение, получаемое им от этого. Это вообще лучшая и самая поэтическая минута в его жизни—почти род вдохновения.

Натешившись свободой, теснимый кредиторами, Медокс решил пополнить за счет казны свой отощавший карман. Авантюрист обратился непосредственно к московскому генерал-губернатору князю Голицыну с письмом, в котором заявлял, что «возвращен из Сибири по высочайшему повелению вследствие государственного тайного обстоятельства наиважнейшей важности и проезжая в С.-Петербург заказал в Москве платье, надеясь, что родные заплатят, но они отказываются даже принимать» его к себе. Поэтому Медокс просит генерал-губернатора выдать ему 800 рублей или сообщить о нем Бенкендорфу.

Голицын выдал ему 100 рублей и послал его в Петербург.

Начальник московского жандармского управления генерал Лесовский после двух-трех свиданий с Медоксом понял вздорность его разоблачений и поделился своими сомнениями с Бенкендорфом. Шеф жандармов не обратил внимания на это предупреждение и завязал тесные личные отношения с авантюристом.

Жандармский офицер Э. Стогов встречал тогда Медокса в приемной начальника III отделения и рассказывает:

«Вообще, Медокс в зале шефа был как дома. Вышел граф Бенкендорф, подошел к Медоксу, назвал его по фамилии, спросил: давно ли приехал?

— Вчера, — занкаясь отвечал Медокс.

— Ты будешь жить в Петербурге?

— Ваше сиятельство, в России нет человека без звания, а я никакого звания не имею; прошу пожаловать мне какое-нибудь положение.

Граф засмеялся и ласково сказал:

— На-днях зайд.

— Медокс был очень доволен. Я много раз встречал его в щегольском фаэтоне; он раскланивался со мною; я сказал ему мою квартиру; он не сказал мне своей, говорил: «Живу временно, скоро перееду». Медокс всегда отлично одет».

Щегольские фаетоны Медокс нанимал на деньги, отпускавшиеся ему от жандармского ведомства. Сохранилась одна из его расписок на такие деньги.

Медокс заваливал Третье отделение проектами раскрытия заговора. Разъезжая в Петербурге в щегольских экипажах и проживая отпускаясь ему из государственного казначейства средства в лучших гостиницах и ресторанах, он предложил Бенкендорфу для лучшего и вернейшего уловления крамолы назначить его главным агентом по надзору за декабристами.

Наконец, и Бенкендорф заподозрил неладное в рассказях Медокса, потребовал от него доказательств существования нового заговора, грозил отправить с жандармом в Москву для раскрытия заговора. Авантюрист убедил шефа жандармов отпустить его из Петербурга без провожатого: это-де вспугнет заговорщиков.

Вернувшись в Москву в декабре 1833 года, Медокс решил жениться для поправления своих плохих денежных дел—Бенкендорф сократил выдачи. Ярко и красочно изображена жизнь Медокса в Москве за этот период в записках Лесовского к Бенкендорфу, который докладывал их самому Николаю Павловичу.

— Я весьма часто имею свидания с Романом Медоксом,—пишет Лесовский шефу жандармов,—для получения от него сведений по известному делу, и через устроенное мною за ним секретно самое бдительное наблюдение слежу каждый шаг его.

— По прибытии в Москву, Медокс был у Н. Н. Шереметевой,—передает Лесовский рассказы авантюриста,—видел там дочь ее Якушкину, с которою имел беспрерывные разговоры о Петровском остроге и ко-

торая, между прочим, сказала, что они давно ожидают Медокса, что она уведомит о прибытии его К. Ф. Муравьеву. А через два дня объявила, что К. Ф. Муравьева опасается принимать его, Медокса, у себя, потому что за нею смотрят строго. Напоследок прибавила сими словами: «Как в продолжении праздников наши собираются все в Москве и имеют заседания, то об вас им скажут».

15 января Лесовский вручил Медоксу (подделанный последним) купон на звание члена тайного общества, а 18 числа он, как рассказывает Лесовский, «бывши у князя Шаховского, спрашивал, время ли доставить К. Ф. Муравьевой купон из Петровска и кто глава союза? Но Шаховской отозвался, что это не его дело, что Муравьева теперь уже не примет купона, советовал Медоксу ничего не спрашивать и быть скромным потому, что хотят сделать ему большое доверие».

Лесовский был противником провокации, в новый заговор не верил и в своих докладах Бенкендорфу старался выявить плутни Медокса. Читая эти доклады, Николай Павлович понял, наконец, цену прозорливости Бенкендорфа и убедился, что вместе со своими министрами является пешкой в руках проходимца. Приказано было ускорить развязку истории с новым тайным обществом, и Третье отделение предложило Лесовскому дать Медоксу восьмидневный срок на выяснение дела, предварив его, что в случае неподтверждения доноса он будет отправлен обратно в Сибирь и вообще строго наказан.

Лесовский понимал, чем кончится такое предварение Медокса, но должен был выполнить приказание начальства. Через два дня после своей беседы с Медоксом начальник московских жандармов сообщил Бенкендорфу о побеге авантюриста, забравшего у жены все деньги и ценности.

Опять пошли циркуляры по всей России о поимке Медокса, опять рассылались его приметы, опять им занимались все высшие должностные лица империи.

А Медокс блаженствовал на свободе. В то время, как его искали все губернаторы и все начальники жандармских округов, он свободно переезжал с места на место и весело проживал женино приданое, придумывая новые способы дурачить Третье отделение. В делах о нем есть сообщения от всех губернаторов центральной России, что они ищут Медокса и не могут его найти.

Медокс объявился сам, и именно там, где его безуспешно искали. 5 июня 1834 года он послал Лесовскому из города Старый Оскол письмо, в котором весело раскланивался с жандармским генералом.

Помахал Медокс ручкой искавшим его жандармам, всполошил их, сделал этакий реверанс и снова исчез. Ведомства снова переписывались о нем, а он из Курской губернии покатил на Кавказ.

Ездил Медокс быстрее царских курьеров, развозивших циркуляр о поимке его, и бедным губернаторам приходилось только отмечать его проезд через их владения, либо благополучно для местных жителей завершившийся, либо ознаменованный каким-нибудь

уголовным деянием, главным образом, в области по-
заимствования из местного казначейства или из част-
ных карманов. Сообщали о его проезде из Воронежа,
Тамбова, Пензы, Симбирска, Саратова, Курска, Орла,
Полтавы, Екатеринослава, области войска Донского.

Несколько раз посылал Медокс с дороги письма
Бенкендорфу, обещая все-таки раскрыть заговор и
укоряя шефа жандармов за недоверие к нему. Писал
самому царю, жалуясь на помощника Бенкендорфа—
А. Н. Мордвинова, который-де мешает раскрыть за-
говор из желания спасти своего двоюродного брата
А. Н. Муравьева.

Во время этих разъездов Медокс затеял еще один
роман—с сестрой декабриста В. Ф. Раевского. Но
так как у нее не удалось добыть чего-либо полез-
ного для авантюры, то дело закончилось одной толь-
ко сентиментальной перепиской в стиле Дневника о
романе с княжной Шаховской.

12. КОНЕЦ АВАНТЮРЫ

После многих скитаний и нескольких мошеннических
проделок за карточным столом на юге Медокс вернулся
в Москву. Прибыв на Воробьевы горы, он вызвал
к себе жену, надеясь снова получить у нее деньги,
но семья жены выдала его полиции.

Медокса заковали в кандалы и отправили в Петер-
бург. Из-под ареста он послал еще несколько писем
Бенкендорфу и царю, говорил о кознях врагов, обе-
щал раскрыть заговор, просил оставить его на службе
в Петербурге.

Николай Павлович велел оставить Медокса в Петербурге, приказал заточить его на всю жизнь в крепость. 25 июля 1834 года Медокса посадили в Зотовский бастион Петропавловской крепости, в особый арестантский каземат № 5, а 30 июля велено было перевести его в Шлиссельбургскую крепость.

Так замкнулся круг походов Медокса: наш герой вернулся в крепость, где просидел на этот раз не четырнадцать лет, как при царе Александре I, а двадцать два года.

Только смерть Николая I снова открыла ему ворота тюрьмы.

Еще до помилования декабристов, в июне 1856 г. Александр II, наконец, разрешил освободить Медокса из крепости, и одряхлевший авантюрист поехал к брату заканчивать свою нелепую жизнь под надзором полиции.

22 декабря 1859 года Роман Медокс, как сообщено было в Третье отделение, умер в родовом селе Прилькине, Каширского уезда, от двукратного апоплексического удара¹.

¹ Настоящий очерк составлен по моей книге „Роман Медокс — похождения русского авантюриста XIX века“, изд. „Федерация“ М. 1930 г., написанной на основании целого ряда архивных дел, хранящихся в Музее революции СССР в Москве и в других государственных архивах и хранилищах. Портрет Медокса до нас не дошел. Его удачно сделал по гексту моей основной работы художник Н. П. Полянский (см. обложку). *С. Штрайх*.

ОГЛАВЕНИЕ

	<i>Стр.</i>
1. Русский Казанова	3
2. Отец авантюриста	5
3. Роман Медокс на Кавказе	8
4. Медокс среди заговорщиков	12
5. После разгрома декабристов	16
6. Воскресшие заговорщики	17
7. Медокс нашел дело	21
8. Влюбленный Медокс	26
9. Медокс и III отделение	31
10. Отечество в опасности	34
11. Опять на родине	39
12. Конец авантюры	45

Цена 20 к.